

Кузен постарел. За четыре года он сильно изменился, выглядел измождённым. Ему было всего тридцать, но морщинки в уголках глаз уже невозможно было скрыть.

На его лице остались шрамы от ран, которые, видимо, были заражены и гноились. После заживления они так и не исчезли полностью, оставив за собой уродливые рубцы.

Брат Цун не знал, через что прошёл кузен, но понимал, что это были не самые приятные воспоминания. Поэтому, услышав вопрос, кузен долго молчал.

Он обдумывал, с чего начать, но каждый раз, открывая рот, лишь вздыхал с разной степенью тяжести.

После долгих раздумий, взяв в руки трубку и сделав несколько затяжек, он наконец рассказал брату Цуну обо всём, что произошло четыре года назад.

Кузен был дезертиром.

Он прибыл сюда полгода назад, чтобы сражаться, и тогда войска правительства и люди Кушань находились в самом жёстком противостоянии.

Он и не подозревал, что правительство скрывало информацию. В новостях говорили, что они вот-вот возьмут этот район под контроль и уже разрабатывают планы. Но, оказавшись на месте, он понял, что не то что планов, даже войти в горы было невозможно.

Кровавые столкновения четыре года назад были куда более жестокими, чем сейчас, и солдаты не могли нормально спать по ночам. Люди Кушань сопротивлялись с невероятной силой, и почти у каждого было своё ружьё или пушка.

Старое правительство уходило через реку Кушань, направляясь в море, а затем через океан в государство Ин, поэтому всё оставшееся оружие досталось людям Кушань, и их вооружение было почти таким же, как у солдат.

Новобранцев, которые прибыли вместе с кузеном, не должны были отправлять на передовую, но ситуация была настолько ужасной, что потери на передовой были огромны, и их сразу же бросили в бой.

На словах это был один опытный солдат на двух новичков, но на деле новобранцы были просто пушечным мясом, живым щитом.

— Почти все, кто прибыл со мной, погибли. Иногда я даже не знаю, как их убили.

Они стреляли и тут же меняли позиции, даже когда шли в лес по нужде, можно было наступить на ловушку.

— Кушань — это огромная сеть. Попав в неё, ты уже не выберешься живым.

Война на истощение продолжалась. Командование считало, что они смогут измотать людей Кушань, дождавшись, пока у них закончатся боеприпасы, а с наступлением зимы и нехваткой еды можно будет легко прорваться.

Но война на истощение была ужасной. Она не только истощала ресурсы, но и подрывала боевой дух.

Под постоянным давлением на передовой человек легко начинал сомневаться в себе. Особенно

когда ты видишь, как один за другим гибнут твои товарищи. Каждый день казался вечностью.

После первого крупного поражения зимой кузен потерял последние силы.

— Многих раненых невозможно было вынести. Если кто-то был ранен и упал, ты пытался его спасти, но сам тут же попадал под обстрел, — рассказывал кузен. — Потому что ты даже не знаешь, откуда летит пуля. Ты их даже не видишь.

Страх и одиночество, растерянность и холод убивали одних солдат, другие заболевали странными болезнями, а третьи, как кузен, сходили с ума, но из-за приказов, под дулом пистолета, вынуждены были оставаться на посту.

Кузен сбежал в одну из ночей, когда пошёл по нужде.

Он украл пару одежд и, пока справлял нужду, переоделся. Он шёл в горы, пока не упал от изнеможения, голода и холода.

Проснувшись на следующий день, он продолжил путь, время от времени перекусывая сухим пайком.

У него была наивная надежда, что он сможет сбежать и вернуться домой.

Ведь Кушань была огромной, а люди Кушань не трогали мирных жителей, нападая только на тех, кто носил военную форму. Он думал, что, идя и разведывая путь, он обязательно найдёт дорогу или пристань, где сможет, как заблудший путник, сбежать с этого безнадёжного поля боя.

Он даже мечтал, что его первыми найдут люди Кушань, и тогда он сможет солгать, что он всего лишь безобидный торговец, и они дадут ему горячей еды.

Но, к сожалению, первыми его нашли не люди Кушань, а войска.

Возможно, он не привык к таким горам, и, кружась, в конце концов наткнулся на свой отряд.

Отряд как раз занимался обороной, и это была чистая случайность, что они встретились. Они узнали его лицо, и, увидев, что он одет в гражданскую одежду, сразу поняли, что произошло.

У кузена уже не было сил бежать, но он всё равно рванулся в горы.

— Пуля пролетела прямо у моего виска. Я думал, что умру. Не от рук людей Кушань, а от своих же товарищей.

Но, похоже, судьба не хотела его смерти.

Он уже не помнил, что произошло позже в тот день. Последнее, что он запомнил, — это как он споткнулся и покатился вниз по склону.

Лианы и сухие ветки оставили на нём множество ран, и в конце концов он потерял сознание.

А когда очнулся...

— ...я был здесь.

Кузен указал трубкой на дом позади.

Девушка из этой семьи нашла его и спасла. Она накормила его кашей и обработала раны.

Кузен плохо говорил на языке Кушань, но девушка и её отец, похоже, не обращали на это внимания. По крайней мере, они не выгнали его и не сразу передали вождю деревни.

Конечно, это было временно.

В деревне Ситоу не могли терпеть предателей, и брат Цун слышал, как А-Да говорил об этом во время кровавого жертвоприношения. Когда раны кузена почти зажили, однажды утром А-Да пришёл к нему.

А-Да пришёл один, и позже кузен узнал, что отец девушки всё же признался А-Да, что прятал чужого человека почти две недели.

Теперь человек выжил и выздоровел, и решать, что с ним делать — отпустить, заточить или убить, — должен был А-Да.

А-Да спросил, был ли он солдатом.

Кузен сказал, что нет, и выложил заранее подготовленную ложь:

— Я всего лишь торговец, которого ограбили солдаты на дороге.

А-Да спросил:

— Как ты можешь это доказать?

Кузен замялся, с болью опустил голову в ладони и глухо сказал:

— Не могу доказать. Я всего лишь мелкий торговец, у меня нет доказательств.

А-Да снова спросил:

— Расскажи мне маршрут, по которому тебя ограбили, и где находится лагерь с товарами. Я отведу тебя туда, и если всё подтвердится, я поверю.

Кузен признался, что он был трусом, и в тот момент желание выжить и вернуться домой было невероятно сильным. Он чувствовал, что уже спасся от смерти, и не мог позволить себе быть убитым в этот момент.

Поэтому он сделал то, что, как он думал, будет преследовать его всю жизнь, — он выдал один из лагерей. Это был не его лагерь, а другой, о котором он знал. Он молился, чтобы лагерь не был перемещён, иначе он не переживёт эту ночь.

В ту ночь под угрозой А-Да он вместе с Вороном и несколькими людьми из отряда А-Да пробрался к лагерю.

Кузен думал, что будет мучиться от предательства своих товарищей, но то, что он увидел той ночью, сбilo его с толку.

Да, для кузена это было впервые, но по реакции А-Да и его людей было ясно, что такое происходило не впервые.

Он увидел пленных жителей гор, увидел двух людей Кушань, привязанных к столбам и избитых

до неузнаваемости. Их дети и жёны были заперты в другой клетке, и они даже не смели громко плакать.

С каждым ударом кнута женщины крепче обнимали детей. Кровь и грязь уже скрывали лица мужчин, а долгие пытки лишили их сил кричать.

В конце концов, решив, что ничего не добьются пытками, один из солдат подошёл и всадил в них по пуле.

Война сводила людей с ума, а постоянное психологическое давление заставляло солдат терять человечность, делая пытки и насилие более лёгкими.

А-Да наблюдал за всем этим с удивительным спокойствием. Убедившись в своих подозрениях, поздно ночью он организовал нападение.

Атака была стремительной. Хотя они убили немного солдат, им удалось спасти двух женщин и троих детей.

Но кузен не ожидал, что когда люди Кушань уводили слабых женщин и детей в горы, один из солдат схватил винтовку и открыл огонь.

— Не все вернулись. Женщины и дети бежали медленнее, и они погибли, — сказал кузен, сделав пару затяжек и вернув трубку брату Цуну.

<http://bllate.org/book/16300/1470144>